

В Цзинду это не считалось чем-то ценным, и больше всего Гу Сяо шокировало то, что высочество всегда благоволил женщинам, а к увлечению столичных чиновников содержанием мальчиков-фаворитов относился с крайним презрением.

И даже с отвращением. С чего вдруг теперь...

Раньше ведь высочество был совсем не таким. Раньше высочество был бесконечно добр — и к нему самому тоже был бесконечно добр, еще когда наложница Гуй была жива...

Неизвестно, потревожило ли это рану на груди, но Гу Сяо почувствовал внезапную, невыносимую боль в сердце.

*

Легкие и чарующие звуки циня плавно исторгались из деревянного корпуса под воздействием изящных и длинных пальцев.

Гу Шилань прислонился к краю ложа, поддерживая голову одной рукой, глаза его были слегка прикрыты, дыхание — размеренным и тихим. Естественная небрежность, с которой расположилось высочество, превращала его в живую картину, завораживающую и притягивающую взоры.

Глядя на ленивого и благородного мужчину на постели, Цинь Чжу подумал про себя, что на свете поистине бывают столь прекрасные люди, и невольно залюбовался, забыв на мгновение о субординации.

Опомнившись, Цинь Чжу мгновенно покрылся холодным потом и поспешно опустил голову, делая вид, что ни в чем не бывало продолжает усердно играть на цине.

Ощув на себе чей-то тяжелый, буравящий взгляд, Гу Шилань слегка нахмурился. Дождавшись, когда взгляд исчезнет, он медленно приоткрыл глаза и обвел взглядом сидевшую у подножия ложа фигуру в одеждах цвета цин — нежного и безупречного, подобно нефриту, мужчине.

Как и утверждал Гу Сяо, Гу Шилань действительно больше благоволил женщинам, и если он привел Цинь Чжу обратно, то лишь для того, чтобы проверить собственные мысли...

— Подойди.

— Слушаюсь, ван. — В его голосе сквозило нескрываемое волнение.

Поднявшись с места, Гу Шилань посмотрел на стоявшего на коленях у его ног покорного

мужчину с ослепительным лицом. С бесстрастным выражением он приподнял за подбородок этого мужчину и прижался к его губам.

Ожидаемой чистой прохлады и терпкости не последовало — напротив, во рту остался привкус, будто от какой-то губной помады, мягкий, благоухающий и манящий.

Однако Гу Шилань нашел это ощущение донельзя приторным и совершенно лишенным всякого интереса.

В памяти неожиданно всплыли губы Гу Сяо: тонкие, вечно сжатые в плотную линию, похожие на раковину мидии, суровые с виду, но стоило разжать эти плотно сомкнутые тонкие губы, как можно было вкусить свежий и холодный аромат, напоминающий отборный чай Лунцзин.

Если же его порой чересчур сильно донимали придирками, уголки глаз и брови начинали слегка алеть, и тогда, если тронуть его еще раз, из глаз невольно скатывались слезы, вызывая жгучее желание защитить и пожалеть.

При этой мысли уголки губ Гу Шилань чуть приподнялись, он лукаво прищурился, походя на хитрую лисицу, а в его глазах затаился неопределенный смысл.

Глава 14: Частная тюрьма

Глядя на явно погрузившегося в свои мысли вана, Цинь Чжу почувствовал обиду в сердце, и, желая закрепить в Княжеской резиденции, решился высунуть кончик языка...

— Кхм! — В одно мгновение Гу Шилань оттолкнул Цинь Чжу и, глядя на человека, сметенного на пол в жалком виде, холодно произнес: — Знаей свое место, не смей заглядываться на то, что тебе не принадлежит. Еще раз — и пощады не жди.

— Эй, кто там!

Дежурившие за пределами покоев служанки в спешке прибежали на зов:

— Высочество, каковы будут приказания?

Гу Шилань бросил задумчивый взгляд на человека, чье лицо выражало мольбу, а затем с холодной усмешкой отдал приказание:

— Уведите его, устройте где-нибудь и позаботьтесь должным образом.

— Слушаюсь, высочество.

Слегка помедлив, служанка осмелилась переспросить:

— Высочество, подавать ли сейчас угощение или...

— Нет, накрывайте, будем есть прямо сейчас.

— Слушаюсь, высочество.

Остановив служанку, которая уже собиралась удалиться, чтобы отдать распоряжение насчет трапезы, Гу Шилань как бы между прочим бросил:

— А где Гу Сяо?

Чем этот мужчина занимается сейчас?

Словно опасаясь, что его собственный тон покажется слишком нарочитым, он добавил с упреком в голосе:

— Совсем распустился. Целыми днями отдыхает, все ленивее и ленивее становится, совсем не боится разбаловать человека.

Служанка подумала про себя, что раны господина, должно быть, еще не до конца зажили, а он уже прибежал сюда только из-за переживаний за высочество, чтобы прислуживать ему, — и тем не менее высочество называет его избалованным.

Как же несправедливо было это по отношению к господину.

Разумеется, открыто жаловаться она не смела, а потому почтительно ответила:

— Докладываю высочеству: господин только что заходил перед покоями справиться, не желает ли высочество трапезничать, но, увидев, что у высочества гости, не стал докучать расспросами.

— О? Заходил, значит? — Гу Шилань слегка удивился, но тут же вновь обрел безмятежный и безразличный вид.

Одни за другими изысканные блюда и редкие вина в серебряных колпаках-чашах подносили красивые служанки. Под серебряными крышками скрывалось именно то, что больше всего любил Гу Шилань.

Вверх поднимались тончайшие струйки пара, и Гу Шилань погрузился в раздумья, глядя на угощения перед собой.

Благородное императорское воспитание учило членов царской семьи умеренности в еде: любое блюдо за трапезой не должно было подаваться более трех раз. Хотя сам он никогда не отличался соблюдением строгих правил и особо на это не обращал внимания...

Но угадать его предпочтения всего по нескольким приемам пищи — степень заботы не оставляла сомнений.

— Высочество. — Хриплый и мрачный голос раздался из темного угла спальни.

Служанка невольно подняла голову и увидела фигуру, целиком закутанную в черный плащ. Издалека казалось, будто от него исходит едва уловимый запах крови, и служанка замерла на месте.

Гу Шилань холодно бросил:

— Ступай.

Отрезвленная страхом, служанка торопливо попятилась, не забыв затворить за собой дверь.

Оставшись в одиночестве, высочество все с тем же неспешным видом продолжал вкушать искусно приготовленные яства:

— Ну что? Наконец-то решился заговорить?

— ...Нет.

Палочки в руках Гу Шиланя замерли, он опустил веки и тотчас услышал:

— Она хочет увидеться с высочеством... сегодняшней ночью.

— Вот как. — Гу Шилань чуть приподнял брови и с легкой улыбкой посмотрел на хмурое небо за окном.

Помолчав немного, он наконец поднялся и направился к выходу...

— Кап-кап... Скрип... Скрип-скрип...

— Брызг... Брызг-брызг! — пронзительный скрежет тяжелых бронзовых ворот о металлические цепи разнесся по округе, издавая жуткий, леденящий душу звук.

Вместе с открывающейся железной дверью нахлынул удушливый запах сырости и крови, вызывающий тошноту. Гу Шилань принял из рук следовавшего за ним человека платок, закрыл им нос и рот и по длинному туннелю спустился в самую глубь.

В тусклом свете керосиновых ламп открылось огромное подземное сооружение — издалика оно выглядело как грандиозная подземная тюрьма!

Узкий и сумрачный коридор огласился звуком шагов, как вдруг тишину разорвал чей-то истошный крик, ударивший в глухие стены:

— Гу Шилань, чтоб ты сдох — а-а!

— Выпусти меня! Ты... ты как смеешь незаконно удерживать чиновника императорского двора — да как, как ты смеешь устраивать собственную частную тюрьму, совсем потерял страх перед законами!

— Зачем ты схватил меня... Выпусти меня наружу! — Ничтожество! Надо было с самого начала сгноить тебя так, чтобы и могилы твоей не нашли!

<http://bllate.org/book/26077/3122521>